

ПРИЯТНАЯ ДАТА

Труд. - 1998. - 22 авг. - с. 5

КАК СТАТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Этого человека и не нужно представлять. Виктор Розов. И всем все ясно. Можно уже не говорить, что он классик отечественной драматургии, лауреат Государственной премии, автор сценария легендарного фильма "Летят журавли". А вот что о нем известно не всем? Прежде всего то, что 21 августа Виктору Сергеевичу исполнилось 85 лет. И еще то, что 53 года из них он в мире и согласии живет со своей женой Надеждой Варфоломеевной, без которой (несмотря на всю силу писательского воображения) свою жизнь не представляет. Поэтому, наверное, и беседа наша началась с главного вопроса — о любви.

Фото Вячеслава КРУГЛИКОВА.

— Виктор Сергеевич, одна из глав вашей книги "Путешествие в разные стороны так и называется: "Любовь с первого взгляда". В ней вы пишете, что, увидев свою будущую жену, вы влюбились в нее "по уши, целиком, без остатка". Но поженились-то вы только через десять лет, в 1945-м. Неужели Надежда Варфоломеевна все десять лет отвергала ваши ухаживания?

— Ну, не все десять. Я ведь ушел на войну, был тяжело ранен, долго лежал в госпитале, медленно выздоравливал, она была в эвакуации. Потом война закончилась, мы вернулись в Москву, я даже с костылей уже слез, мы и решили пожениться.

Причем решили пожениться в день ее рождения, 15 мая. Но это было воскресенье, загс в маленьком подвальчике на Метростроевской был закрыт, и мы пришли туда на следующий день. Нам сказали, за регистрацию нужно заплатить 15 рублей, а у нас — ни копейки. Но все равно расписали. На прощание сказали: будут деньги — приходите, отдадим вам квитанцию. Мы деньги заняли и получили квитанцию — она у меня до сих пор хранится.

Когда мы познакомились, Надя была молоденькая, всего 17 лет, но кавалеров — целый хвост. И я в этом хвосте был, можно сказать, последним. Разумеется, переживал. Но продолжал ее любить. А потом все куда-то отвалилось, и я остался единственным претендентом. Как мне потом рассказывала сама Надя, она подошла к этому выбору разумно: этот за мной ухаживает, и этот, и этот... а еще вот тот. Невзрачный, но человек верный, с ним я буду спокойна. И она выбрала меня, на тот момент человека нищего.

Когда мы поженились, она работала в театре Ермоловой, кстати, была хорошей актрисой. Так вот, она на репетицию, а я — на кухню, суп варить, картошку жарить. Потом-то она все научилась делать, теперь очень хорошо готовит, очень вкусно, могу подтвердить.

А вообще-то первые годы после женитьбы мы очень бедствовали, но никогда это не было поводом для ссор. Потом жизнь стала потихоньку налаживаться, сначала родился сын, потом дочь, и Надя из театра ушла, стала заниматься семьей.

— Что же, вы все полвека живете в полном взаимопонимании, дружно, не ссорясь?

— У нас всегда были очень хорошие отношения. Жена переживает, когда я болею. Вот сейчас я в больнице лежал три недели, только выписался — она ни одного приемного дня не пропустила, хотя ехать в больницу не близко.

— Стихи вы ей писали?

— Писал. Особенно много в госпитале, иногда пять стихотворений в день мог написать. Делать-то особенно нечего, лежишь на спине — поворачиваться нельзя, весь в гипсе, смотришь в потолок и сочиняешь. Жаль, большинство

стихотворений не сохранилось, но некоторые помню.

Правда, оговорюсь, к стихам своим я никогда серьезно не относился, это так, домашнее творчество.

— Ваша жизнь сложилась, очень интересной, но и очень трудной. Что вам помогло не только не сломаться, но и упорно идти вперед?

— Да, тяжелого, даже трагического было много, но как-то переносилось это легко. Наверное, я с этим родился, такая легкость дается от Бога. На душе у меня всегда было легко. Я порой невыносимое переносил. Другие бы на моем месте ныли... Между прочим, ненавижу, когда ноют, жалуются, стонут: ах как тяжело, ах как трудно! У меня в жизни разное бывало. Я три раза умирал, а вот сейчас сижу перед вами...

— По-настоящему умирали?

— Первый раз умирал еще в грудном возрасте, я об этом в книге писал. Совсем умирал, каждый день. Как-то мама понесла меня к врачу, а он посмотрел на меня и сказал ей: "Несите его обратно, он у вас по дороге умрет". Но мама донесла меня до дома живым. И я продолжал умирать. Каждый день. Однако не умер.

Второй раз это было на фронте, во время наступления немцев на Москву. Я ушел добровольцем в народное ополчение и принимал участие только в одном бою, который, правда, продолжался с рассвета до самой темноты. В живых от нашей батареи остались только я и медсестра. Я был тяжело ранен в ногу, но не убит.

Третий раз я умирал в госпитале. Меня пробовали лечить, результата не было, и меня положили в палату смертников, скверную палату, надо вам сказать. Там каждый день покойники, но койки не пустуют ни минуту. И целыми днями санитары людей вносят-выносят, вносят-выносят... Я там лежал-лежал целый месяц, потом врачи сказали: да что он там лежит, несите его к выздоравливающим. А сейчас вот сижу перед вами.

— О чем вы думали в палате смертников? О жизни? О смерти?

— Самое удивительное, что, когда я там валялся и видел, как без конца вносят и выносят людей, у меня ни на минуту даже мысли не возникало, что я умру. Я там читал. Кто-то дал мне книжку Гоголя. Я был упакован наполовину в гипс, мог лежать только на спине, поэтому ставил книжку себе на грудь и читал. Вокруг крики, стоны, бред умирающих, а я читаю. Да. Много от тех дней осталось впечатлений, много я видел в жизни. Много видел, но такого безобразия, как сейчас, не видел.

— Не радует вас нынешняя жизнь?

— Что ж, вы думаете, я железный, что ли, чтобы не обращать внимания на то, что происходит вокруг меня? Мне хорошо, а на остальных наплевать? Я так жить не могу. Мучительно видеть, как

страдают люди, читать об этом, видеть каждый день по телевизору. Ох, лучше и не говорите...

— Хорошо, не будем. Ваши дети тоже связаны с театром?

— Да. Дочь Татьяна окончила театральную школу, играет во МХАТе. И сын Сергей — актер в Центральном детском театре, а в свободное время с небольшой труппой выступает в школах, тоже очень интересно.

— У вас есть любимые праздники, которые вы отмечаете семьей?

— Конечно. Обязательно отмечаем все дни рождения. Стараемся вместе собираться на Новый год. Очень хорошо отметили нашу с Надей золотую свадьбу три года назад.

— А любимое блюдо у вас есть?

— Есть. Жареная картошка.

— В исполнении жены?

— А вот и нет. У нас есть одна давняя знакомая, Леночка Марьясина, она жарит картошку бесподобно. Я иногда жену прошу: сделай картошку по-марьясински. Мне это нельзя, вредно, но я все равно ем. После 85 можно уже ни в чем себе не отказывать. Правда, в больнице сидел на строгой диете.

— Что вообще значили в вашей жизни книги?

— Очень многое. Это одно из самых серьезных моих увлечений. Я рано начал читать и читал запоем все, что попадало мне в руки. У нас дома не было ни одной книги, мы жили очень бедно. И я их старался достать всеми правдами и неправдами. Иногда я ходил за книгами к знакомым своих родителей. Идти к ним надо через двор, мне страшно, там злая собака, но я все равно иду. И думаю об одном: только бы собака на меня не бросилась! Я несу книжку в руках и до сих пор помню то чувство радости, которое охватывало меня, — я буду ее читать!

— А есть такая книга, которая сыграла особую роль в вашей жизни?

— "Братья Карамазовы" Достоевского. Эта книга, извините за высокопарность, подняла меня на какую-то новую высоту.

— За современной литературой следите?

— Нет, она меня не интересует. Люблю перечитывать классику. А сейчас увлекся исторической литературой, причем не художественной, а документальной. История государства в документах — это увлекательнейшее чтение. Особенно меня интересует XVIII век, эпоха после Петра до Екатерины. Это было до того страшно...

— В книге вы много раз повторяете, что вы — счастливый человек. Вы и сегодня можете сказать то же самое?

— Я не устаю повторять, что я счастливый человек. У меня на душе хорошо. Да, нога у меня болит (ее чудом не ампутировали на войне. — Е.Ж.), давление прыгает, сердце подводит — а все равно хорошо. Жить — хорошо.

Елена ЖЕРНОВА.

44